

Мария Суворова

МАЛЕНЬКИЕ МАРИИ

Мария Суворова
Маленькие Мари

ИП «Центр современной литературы»

Суворова М.

Маленькие Мариин / М. Суворова — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-163-8

Мария Суворова — член Союза российских писателей, автор двух самиздатовских книг стихотворений: «Потерянная книга» (2009) и «Город об одном дне» (2012). Лонг-листер премий для молодых авторов «Дебют» и «ЛитературРентген». Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Новая реальность», «Запасник» и др. Живёт в Вологде Премия Русского Гулливера учреждена в 2014 году Центром современной литературы, издательским проектом «Русский Гулливер» и мультимедийным журналом «Гвидеон». С рукописью книги стихотворений «Маленькие Мариин» Мария Суворова вошла в шорт-лист основной номинации («поэтическая рукопись») и стала лауреатом в номинации «специальная премия издательского проекта».

ISBN 978-5-91627-163-8

© Суворова М.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Адамов труд	6
Маленькие Марии	8
«Когда чужие становятся близкими...»	9
«Лил и лил ливень...»	10
«Я очень хорошо помню это место...»	11
«За линией горизонта – многоэтажные дома...»	12
Майя	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мария Суворова

Маленькие Мариин Стихотворения

«Что значит именовать вещь? Что значит дать вещи соответствующее ей имя и когда это возможно? Наименовать вещь можно только тогда, когда вещь узнана. Узнать вещь значит сравнить ее с прочими вещами... Наименовать вещь значит, прежде всего, отличить ее от всего прочего, провести резкую границу между нею и всем окружающим. Имя вещи есть орудие отличия и – отличения вещи от всего окружающего ее фона. Имя вещи вносит в вещь ее резкую ограниченность, определенность, т. е. наличие предела, связывает ее беспредельную растекаемость, оформляет ее неудержимо рвущееся вперед бытие в устойчивый и изваянный лик. Вещь течет, меняется. Нетекучие же и неперемнные вещи – текут и изменяются в другом смысле. Из их бездонной глубины возникает непрестанная жизнь, вечно становящееся бытие, необозримое, неохватное и невместимое. Имя дает этой необозримости картинную обозримость, охватывает неохватные бездны и разумно, явленно вмещает в себя невместимые истоки глубин. Имя – предел, форма, граница. Имя – отличие, своеобразие, самостоятельное качество. Имя – лик. Имя – смысл.»

Лосев А.Ф. «Вещь и имя».

Адамов труд

Есть уже, похоже, устаревшее выражение – каменные джунгли. Для нас теперь непроходимы и невообразимы джунгли настоящие, да что там джунгли – реденький смешанный лес средней полосы, лесопарк в двух километрах за МКАДом – джунгли. А город – привычная среда, не всегда гостеприимная и иногда опасная, но своя, родная, исхоженная вдоль и поперек. Марии Суворовой нравится запутывать, кружить вокруг да около, уводить в дебри.

за линией горизонта – многоэтажные дома.
такая же, собственно, дыра, как и все в этом городе дома.
граница территории проходит там, где её никто не нарисовал —
посредине двора с песочницей у выброшенного стола...

Вот в этом пруду ловили тритонов, потому что во времена твоего не такого уж и далекого детства в старом барском особняке была станция юннатов, в этом карьере купались до мелкой дрожи, посиневших губ, а теперь – гляди ж ты! – элитный район новостроек. Куда подевался эдемский сад? Вот вместо твоей приземистой 34-й начальной – снесли за считанные часы – стоит уже новенькая 11-этажка, это сколько же лет прошло? Пятьдесят? Двадцать? Да и пяти нет! Время бежит стремительно, дома растут быстрее травы, улицы меняют названия как в калейдоскопе! Головокружительная топонимика!

на месте разрушенного дома вырос новый,
вспомни, как ты там ходил – из досок выстраивал оборону,
и каждый, кто замечал, разглядывал тебя – смешного,
но теперь твой игрушечный дом сломан...

В городе Марии Суворовой теряешься на каждом шагу. Зато на каждом шагу тебя ждут находки!

А тебе говорят: «Хватит! Я потерял зарядный,
мне не доехать до Попятной,
Пиджак слишком мятый, на рубашке локоть залатан»,
Но запах твой – мятный.
И это говорит об обратном, жизнь – вата, смякай её, смякай!»

Почему-то важно автору назвать не просто по именам все вещи, но рассказать историю каждого и каждой: Ивана, Марии, Алины, Майи, Юли. Не всегда в реальность персонажей веришь, похоже, это такой прием – придумать имя лирическому герою, максимально устранить, чтобы рассказать историю, тем не менее, очень личную. Так бывает, когда трусишь что-то узнать или спросить прямо, и начинаешь: «А вот один мой знакомый...», и прячешься нелепо за чужое имя, и все понимают о ком ты, но, не нарушая правил игры, поддерживают твои экивоки в третьем лице. И даже там, где уже очевидно – не игра, где за чужим именем явственно проступает и история, и судьба другого, все равно у поэта получается о себе. А как иначе!

Слово дурацкое, кажется, на немецком.
Хриплое, острое, ты его тонко пищишь,
губы шумно выплёвывают: «Париж!»

Как же тебя зовут, и кому ты принадлежишь?

Ведь у тебя на шее – змеиная чешуя,
а у него на плечах – северорусская мурава.

В своем стремлении поименовать все видимые и невидимые глазу вещи поэт подобен Адаму, нарицающему сущее. Се – волк, а се – бык. Библейское и детское стремление одновременно. И, как львы, леопарды, ехидны, скорпионы, змеи приходили к Адаму, чтобы получить от него свои имена, так подчиняются поэтическому слову, со всей покорностью, стихии и сущности, обычному слову неподвластные.

сквозь листья самолётик пролетает
кричишь ему и будто вырастаешь
из маленького мальчика илюши
из вишни северной и неуклюжей
в подсолнечник ван гога
у дома

И подзаголовок книги неслучаен. И заголовок, конечно, тоже: уж не нарциссизмом же авторским вызваны заглавные «Маленькие Мариин»? – отнюдь. И здесь – отсыл к другой истории – уже новозаветной.

Лил и лил ливень,
Мария тогда жила на Мариин Ульяновой
И не знала, где найти спасение...

Мне хочется поприветствовать эту первую московскую книгу Мариин Суворовой. В Вологде очень сложно быть поэтом! Знаете, сколько у нас поэтов? Хороших поэтов, без дураков? Как найти себя, свой голос, свою интонацию, как не испугаться, что все ниши уже заняты до тебя? Мария Суворова – стойкий цветок, цветок-боец, из тех – самых хрупких, но самых сильных, что прорастают через асфальт каменных джунглей, джунглей городских и поселков городского типа. Одуреть сколько у нас в Вологде отличных поэтов! То-то и оно!

Ната Сучкова, Вологда

Маленькие Мариин

по образу и подобию
из меня вырастают фобии,
из меня вырастают растения —
маленькие, весенние,
маленькие мариин
с крыльями и пуповиной,
маленькие мариин —
живые наполовину.

и я от них ничего не хочу,
впервые ничего не хочу,
так это и говорю.

а они кричат и рвутся из рук в руки,
от мамы к маме, запуганные поручкой.
вторник, четверг, суббота — как будто глюки:
«не мыть ноги, носить брюки»,
а в пятницу другая наука:
«мой ноги, терпи муки...»

маленькие мариин вторят этим словам,
перебирая их по слогам,
ударяя не так и не там,
изменяя значение —
затекстовое излучение.

и не остаётся ни мне, ни вам
новых слов, даже напололам,
даже на четвертину,
разделённую наполовину.
и приходится говорить привычно,
обнимать за плечи,
целовать в личико.
и понимать, что это по-настоящему,
чтобы по чёрному ящику
через века прочли:
«страсти, копья, мечи»,
чтобы при имени её кричали:
«молчи!»
чтобы при нём —
ни о ком другом.

«Когда чужие становятся близкими...»

Когда чужие становятся близкими,
И ты не можешь в этом приближении остановиться,
И левый берег – обрывистый, а правый – низкий,
И всё происходит слишком и слишком быстро,
Тогда не существует, кроме сам знаешь кого, никого.
Ты тогда говорил – это важно не меньше,
Ведь это сухое вино – не люблю – но люблю его
Из-за тебя. И весь этот трепет нельзя прекратить,
И хочется отгородиться от будущей суеты или скуки,
Но ты говорил, что всё проходит, и все расстаются,
Даже самые близкие – вопреки единому звуку.

«Лил и лил ливень...»

Лил и лил ливень,
Алина тогда жила на Ленивой,
И мне казалось запредельным
Броситься в этот ливень,
Бросить свои кривые линии —
Телефонные чирякалки на листе,
Чёрточки без значения.
Алина гораздо более любимая,
Чем все эти геометрические соприкосновения,
Физические трения и вычисления,
Линия до неё одна — прямая
До исступления.

Лил и лил ливень,
Мария тогда жила на Марии Ульяновой
И не знала, где найти спасение,
Куда спрятаться от шумного уличного движения,
Чтобы задуматься и обрести утешение
В мгновенном выражении лица —
В самом настоящем пленении
Мыслью, молением об одном таком
Запредельном ливне,
Когда, казалось, нет для того причин,
Кроме июльского иссушения, ослепления
До исступления.

«Я очень хорошо помню это место...»

Я очень хорошо помню это место:
улицу Пионерскую пересекает Ленина.
Говорили, что там жили поляки и немцы.
И тогда всё было просто: Санта-Барбара, ревность, измены.
За углом в сарайке ты мастерил деревянные кольца,
моё имя писал с ошибкой, а потом прятал глаза.
Кирилл, Ваня, Саша – не помню, хоть убей, впрочем,
ни прозвища, ни лица.
Ещё стрелялись с тобой рябиной,
брызгались водой из колонки,
всего не перечислить – долгая белая полоса.
Это потом откуда-то появилась безудержная тревога.
Новая Ладога отобрала очень и очень многих —
чёртова дорога от Вологды до Череповца.

«За линией горизонта – многоэтажные дома...»

за линией горизонта – многоэтажные дома.
такая же, собственно, дыра, как и все в этом городе дома.
граница территории проходит там, где её никто не нарисовал —
посередине двора с песочницей у выброшенного стола.

весёлые были деньки: мамы с колясками, бешеная детвора.
у меня был кусочек сыра и плюшевая лиса.
каждый хотел чужое, но, чтобы поровну, пополам.
так вот и выросли, у меня – сердце, а у других – голова.

за линией горизонта всё ещё наши с тобой дома.
так и остались в памяти – серые и холодные многоэтажные дома.
с тех пор не хватает тепла. с тех пор постоянно нужен свет.
но также сидит на дереве ворона моя – интроверт.

Майя

1

Слово дурацкое, кажется, на немецком.
Хриплое, острое, ты его тонко пищишь,
губы шумно выплёвывают: «Париж!»
Как же тебя зовут, и кому ты принадлежишь?

Ведь у тебя на шее – змеиная чешуя,
а у него на плечах – северорусская мурава.
Мне, может, тоже надо всем говорить,
что имя моё – Марсель, что жизнь – это карусель.

Может, тогда и будет слово очень легко,
громко, отчётливо и не смешно.
Может, тогда оно переведет себя,
вырвет из языка, выносит из ребра.

Слово дурацкое, что ты с ним заодно?
Снова за слово прячешься всё равно.
Слово за слово – змеиная чешуя,
как же тебя зовут-именуют, скажи? —

– Майя.

2

Так о чём же все эти разговоры,
припрятанные от посторонних,
зажатые в маленьком кулачке,
застывшие между именем и значением
на непонятном твоём языке?

Выбери, наконец, одно и озвучь решение,
а то:
Майя улетает в Башкирию,
Майя прощается с собственным именем.
Что остаётся от Майи? – самозабвение.
Так и пройдёт, поверь, жизнь-паракарусель,
так и уйдёт за дверь – насовсем.
Ведь не для всех любовь – светлая полоса,
ведь не для всех земля соткана из тепла.

Может быть, только одна такая судьба дана,
но не простилась и не приснилась – ушла.

3

Меня задевает каждое слово, сказанное не для меня.
Чёрт побери, так значит, это о чём-нибудь говорит?
Мне кажется, что я, как раньше, разделяюсь на своих и чужих,
перестаю понимать правила дорожного движения,
создаю всеобщее напряжение.

Знаешь, какая разница – любовница или же одноклассница?
У меня в сети столько друзей,
что на всех не хватит подзамочных статей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.